

Тыпалогія ўзаемасувязей беларускай і рускай моў і праблемы нацыянальнай самаідэнтыфікацыі. – Мінск, 2011. – С. 113-117.

Н.В. Жданович (Минск, Беларусь)

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ ЭПИТЕТОВ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ (на материале словарей эпитетов)

Личность писателя, человека творческого, отличается от других «количественным и качественным расширением как сфер коммуникации, так и средств, их обслуживающих» [3, 75]. Писатель предстает перед нами одновременно в двух ипостасях: как деятель литературы и как преобразователь литературного языка, причем обе стороны его деятельности воспринимаются в неразрывном единстве.

Душа человека, его переживания, настроения, чувства так или иначе отражаются в художественном тексте посредством эмоционально-экспрессивного пространства, языковым экспликатом которого во многих случаях является эпитет. Справедливо высказывание Л.Ю. Буяновой, что «через языковую экспликацию происходит реализация особенностей языкового сознания, языковой картины мира личности. Каждое слово автора отражает исключительность внутреннего мира, так как выбор этого слова обусловлен особенностью личностной интенциональности» [5, т.1, 19]. Поэтому и выбор эпитета, как и любого другого художественного средства, предопределяется жизненным опытом и прагматической направленностью писателя.

Как поэтическое слово, эпитет – полифункциональная, полисемантическая единица, жизнь которой детерминирована художественной тканью произведения, эстетикой автора и его мировосприятием, но вместе с тем эпитет не перестает при этом оставаться единицей языковой системы. Наблюдения показывают, что образование редких определений обусловлено как системой языка (реализацией потенциальных возможностей единиц), так и системой эстетической коммуникации, и это, в свою очередь, свидетельствует о том, что

индивидуально-авторские определения обнаруживают общие черты, отражающие их структурно-семантические особенности. Задачей нашего исследования являлось контрастивное изучение индивидуально-авторских определений, зафиксированных в словарях эпитетов [1; 2], с целью выявления их структурно-семантических особенностей и возможных механизмов образования в русском и белорусском языках.

Проведенный структурно-семантический анализ ≈ 800 сочетаний с редкими эпитетами (в равном соотношении анализировались русские и белорусские единицы) позволил сделать вывод, что образование индивидуально-авторских эпитетов связано или с расширением семантических отношений определений, или с обновлением их формальной структуры. В соответствии со структурно-семантическими особенностями редких эпитетов мы условно разделили на три группы:

– *потенциальные* (расширение возможностей узуального определения): русск. *жемчужный* дождь /Н. Карамзин/, *покорная* тишина /В. Жуковский/, *железная* судьба /К. Батюшков/, *говорливая* дружба /Ф. Глинка/, *шумные* мечты, *живые* слезы /А. Пушкин/, *ветхий* день, *надменный* век /Е. Баратынский/, *завистливая* ресница /М. Лермонтов/; бел. *асцярожная* радасць /К. Кірэенка/, *асіплы* вецер /П. Макаль/, *духмянае* слова /П. Панчанка/, *жалезны* сон /П. Глебка/, *вараны* сон /Р. Барадулін/, *салёнае* сонца /М. Танк/;

– *окказиональные* (обновление / создание новой формы): русск. *широкошумные* дубровы /А. Пушкин/, *молньеметательные* очи /Ап. Майков/; бел. *хуткабежная* вясна /А. Звонак/, *дурманліва-п'янлівы* пах /Н. Гілевіч/, *раскрылая* ноч /В. Карамазаў/, *хіхіклівы* смех /Я. Брыль/;

– *оксюморонные*: русск. *благодатный* яд /А. Пушкин/, *долгое* мгновение /Е. Баратынский/, *счастливая* война /М. Лермонтов/; бел. *слёзны* смех, *радасны* сум /Я. Брыль/.

Несмотря на активность субъективного начала в процессе создания необычных атрибутивных сочетаний, большинство редких эпитетов мотивированы: в основе их образования, как правило, лежит перенос по

сходству или смежности. Тот или иной предмет имеет в языке парадигму образа, которая и предопределяет выбор определения к нему, однако трансформация и развитие образных параллелей под воздействием субъективных и внутритекстовых ассоциаций приводят к рождению индивидуально-авторских эпитетов. Рассматривая происхождение нестандартных атрибутивных сочетаний, мы пришли к выводу, что в подавляющем большинстве случаев можно представить мотив переноса признака и найти мотивирующие семы, которые входят в импликационал определяемого /определения и находятся в латентном состоянии на периферии их лексического значения. Мотивирующие образы входят в сознание носителей языка и, подобно всякой продуктивной модели, обладают значительной предсказательной силой. Эта особенность образования индивидуально-авторских определений в равной степени присуща эпитетам русского и белорусского языков.

Как ни парадоксально, индивидуально-авторские определения являются той точкой, в которой пересекаются реальное и ирреальное, объективное и субъективное, общее и индивидуальное представления о мире. Благодаря наличию субъективных ассоциаций возникают разнообразные прототипические эффекты, а уже на их основе – редкие эпитеты. В этой связи примечательно высказывание Ю.М. Лотмана о том, что «новаторство не всегда в изобретении нового. Новаторство – значимое отношение к традиции, одновременно восстановление памяти о ней и несовпадение с нею» [4, 130].

Однако авторские интенции могут эксплицироваться не только посредством эпитетов, но и посредством своеобразного отбора предметов, явлений, которые наиболее значимы для поэта или писателя и которые воплощаются в его творчестве в том или ином образе. Наши наблюдения показывают, что именно такого рода слова получают индивидуально-авторские определения, причем это могут быть слова как с «максимальным количеством связей», вызывающие наибольший объем ассоциаций и наиболее часто встречающиеся в художественной речи (в русском языке это *время, душа,*

жизнь, смерть, судьба, в белорусском языке – *цішыня, слова, вецер, неба, час, дзень, ночі* и др.), так и «менее заметные» в языке, но личностно значимые наименования. Наверное, ни у кого, кроме А.С. Пушкина, нет поэтизации *лени*, поэтому у него *лень* наделяется 5 индивидуально-авторскими определениями: *золотая, рассеянная, роскошная, счастливая, тоскующая*. Вопреки узусной пейоративной коннотации, для Пушкина *лень* становится чем-то милым, добрым, домашним и ассоциируется со счастьем: *Но вскоре, верный обожатель // Забав и лени золотой, <...> Оставишь круг большого света* (Всеволожскому); *Бродил я там, где бич народов, // Татарин буйный пировал // И после ужасов набега // В роскошной лени утопал* (Бахчисарайский фонтан); *Друзья! Вам сердце оставляю // И память прошлых красных дней, // Окованных счастливой ленью // На ложе маков и лилей* (Мое завещание). Для сравнения – в Словаре эпитетов белорусского литературного языка [1] нет статьи с данным дистрибутом.

Если проследить состав и частотность существительных с редкими эпитетами у поэтов и писателей, можно определить не только авторскую преферабельность, но и особенности картины мира русских и белорусов. Сопоставление данных словарей эпитетов русского и белорусского языков [1; 2] позволяет констатировать, что отмеченные редкими эпитетами слова не всегда совпадают. В современном русском литературном языке наибольшее количество индивидуально-авторских определений имеют такие дистрибуты, как *небо* (37), *глаза / очи* (29), *голос* (26), *ветер* (25), *жизнь* (23), *день* (21), *луна* (21), *тоска* (18), *слава* (18), *судьба* (17), *взгляд* (16), *любовь* (16), *сон* (16), *слезы* (16), *звук* (16), *мысль* (16), *сердце* (15), *душа* (14), *счастье* (14), *красота* (14), *страсть* (13), *волна* (12), *воздух* (12), *мечта* (10), *радость* (10), *дума* (6), *надежда* (6) и др. [2]. В современном белорусском литературном языке редкие эпитеты чаще характеризуют такие слова, как *цішыня* (26), *слова* (26), *вецер* (21), *вочы* (15), *дзень* (14), *неба* (13), *ноч* (12), *вясна* (12), *свет* (11), *мова* (11), *раніца* (11), *твар* (11), *шум* (11), *радасць* (10), *лес* (10), *смех* (9), *сум* (9), *боль* (8), *бор* (8), *пах* (8), *позірк* (8), *сонца* (8), *агонь* (7), *звон* (7), *лета* (7), *настрой*

(7), *песня* (7), *сон* (7), *усмешка* (7), *думка* (6), *век* (6), *край* (6), *мара (мроя)* (6), *пара́* (6), *святло* (6), *хвіліна* (6), *шчасце* (6), *жыццё* (5) и др. [1].

Из представленных в Словаре эпитетов русского литературного языка [2] существительных 75 % имеют индивидуально-авторские определения, причем количество редких эпитетов у существительных (от 1 до 37) обусловлено их значением. Это подтверждает и анализ эпитетов в словаре белорусского языка.

В русском языке наибольшее количество индивидуально-авторских определений отмечается у слов, которые концептуализируют человека, его существование во времени и пространстве: *небо, день, ночь, луна, солнце, ветер, глаза (очи), улыбка, голос, звук, взгляд, мысль, смех, слезы, жизнь, душа, сердце, тоска, любовь, грусть, печаль, красота, тишина, счастье*. В Словаре эпитетов белорусского литературного языка [1] обращает на себя внимание частотность эпитетов у тех лексем, которые обозначают природные явления или относятся к группе темпоральной лексики.

Как показывают наблюдения, более половины слов, у которых отмечены редкие определения, составляют отвлеченные существительные, не имеющие своего денотата. В подборе эпитета к ним проявляется индивидуальность языковой личности, и наличие редкого, необычного определения не только отражает субъективную оценку ситуации, но и несет необходимую для осмысленности высказывания часть информации. Именно эпитет компенсирует «неинформативность» отвлеченного существительного, делая его более конкретным и более насыщенным в смысловом отношении.

Количество редких эпитетов незначительно по сравнению с общим количеством определений в художественной речи, но сам факт наличия индивидуально-авторских определений говорит о том, что идет постоянное обогащение системы средств поэтического выражения. Однако степень субъективности восприятия не беспредельна и ограничивается конкретной языковой тканью произведения, которая, в свою очередь, предопределяется существующей языковой картиной мира. Именно поэтому количество индивидуально-авторских эпитетов меньше, чем общеязыковых определений, и

такое соотношение характерно как для русского, так и для белорусского языков.

Литература

1. Гаўрош, Н.В. Слоўнік эпітэтаў беларускай літаратурнай мовы / Н.В. Гаўрош. – Мінск: Вышэйшая школа, 1998. – 603 с.
2. Горбачевич, К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К.С. Горбачевич, Е.П. Хабло. – Л.: Наука, 1979. – 568 с.
3. Кухаренко, В.А. «Язык писателя» как аспект речевой деятельности индивида / В.А. Кухаренко // Человек и речевая деятельность. Вестник Харьк. ун-та. – Харьков, 1989. – С. 74-78.
4. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю.М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1972. – 271 с.
5. Семантика языковых единиц: Доклады VI Междунар. конф.: В 2 т. / Моск. гос. откр. пед. ун-т; Отв. ред. Е.И. Диброва. – М.: Изд-во «СпортАкадемПресс», 1998. – Т. 1. – 378 с.; Т. 2. – 428 с.